

ИСТОКИ ПРИЗНАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ АВТОНОМИИ ВОЛИ КАК ПРИНЦИПА МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Новикова Татьяна Васильевна кандидат юридических наук, доцент, декан факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет), доцент кафедры международного права, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия (350002, Россия, г. Краснодар, ул. им. Леваневского, 187/1).
E-mail: tnovikova@inbox.ru

Аннотация

В статье устанавливается, что советское коллизионное право (на базе ГПК РСФСР 1923 г.) демонстрирует преемственность дореволюционных подходов (закрепляя по сути идентичную коллизионную норму в процессуальном кодифицированном акте), признает автономию воли в международных договорах и арбитражной правоприменительной практике, хотя и исключительно во внешнеэкономических отношениях. Обосновывается вывод, что признание автономии воли сторон внешнеэкономических отношений даже в тот период, когда отечественное внутригосударственное право не допускает свободы договора, свидетельствует о самостоятельном характере возможности сторон частноправовых отношений с иностранным элементом избирать применимое материальное право и имманентном характере такой возможности, обусловленном природой самих отношений и их существованием в условиях коллизии правовых порядков нескольких государств.

Ключевые слова: автономия воли, *lex voluntatis*, обязательственный статут, выбор применимого права, иммунитет государства, договорные правоотношения международного характера, внешнеэкономический контракт, советская внешняя торговля, советское международное частное право.

Автономия воли, позволяющая сторонам частноправовых отношений международного характера – в условиях коллизии правовых порядков нескольких государств – избрать применимое материальное право, составляет интереснейший правовой феномен. Эволюция данного принципа свидетельствует о его неуклонном развитии как в части предоставляемых сторонам возможностей (последующий выбор права, депеаж и др.), так и в части перечня правоотношений, в которых автономия воли получает свое распространение: от договорных в первый период развития до – в определенных пределах – деликтных, семейных и др. в современных условиях.

Настоящее исследование призвано восполнить пробел научного знания, существующий в области эволюции автономии воли сторон договорных правоотношений международного характера в советском международном частном праве. Историко-правовой анализ в данной области призван продемонстрировать, что автономия воли составляет правовую возможность, имманентно присущую субъектам частноправовых отношений международного характера. В условиях нацеленности международного частного права на опосредование отношений, осложненных иностранным элементом, автономия воли признается даже в те периоды, в которые в отечественном внутригосударственном праве отсутствует свобода договора.

В законодательстве советского периода заслуживает внимания ст. 7 Гражданского Процессуального Кодекса РСФСР (далее – ГПК РСФСР), которая устанавливает: «При рассмотрении судом договоров и актов, совершенных за границей, принимаются во внимание законы, действующие в месте совершения договора или акта, если самые договоры или акты разрешены на основании законов и соглашений РСФСР с тем государством, в пределах которого они совершены»¹.

¹ Гражданский Процессуальный Кодекс РСФСР, введен в действие Постановлением ВЦИК от 10 июля 1923 г. «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1923. № 46-47. Ст. 478.

Изложенная норма отличается поразительным сходством с действовавшим в дореволюционный период положением ст. 707 Устава гражданского судопроизводства¹: она также закреплена в процессуальном кодифицированном акте (в данном случае – в его основных положениях – гл. I части первой), фиксирует привязку к закону места совершения сделки (принцип *lex loci contractus*) и не предусматривает права сторон самостоятельно избрать применимое к их отношениям материальное право. При этом в сложных условиях формирования советской правовой системы данная статья оперирует выражением «принимаются во внимание», что по общему признанию специалистов позволяет суду с учетом обстоятельств конкретного дела отказаться от применения иностранного закона, применив вместо него, в первую очередь, советский или даже иной, наиболее «привязанный» закон [1, с. 184-185]².

Что же касается автономии воли сторон обязательственных правоотношений международного характера, то первоначально советская юридическая литература высказывается в этом отношении весьма негативно. Так, И. С. Перетерский отмечает, что «у нас автономии сторон, в буржуазном смысле этого слова, не существует», и далее конкретизирует, что «в новой доктрине за сторонами это право (выбора применимого закона – Т. Н.) признается лишь в пределах законодательства места заключения договора» [2, с. 101-102], то есть по сути в рамках инкорпорации.

Более того, отдельные примеры учета воли сторон частноправовых отношений международного характера в правоприменительной практике также подвергаются критике. Например, представляет интерес фрагмент определения Верховного Суда УССР от 27 февраля 1928 г., в котором отмечается необходимость «остановиться на выяснении того, можно ли полагать, что истец, нанимаясь на иностранный пароход, тем самым согласился на все условия труда, установленные коллективным договором между пароходоладельцем и английским профсоюзом моряков»³. Комментируя данное определение, В. М. Корецкий подчеркивает, что Верховный Суд не дает прямого решения вопроса о том, на основании каких законов следует разрешить дело по существу, однако приведенный фрагмент указывает, по мнению автора, на «применение принципа автономии воли сторон» [3, с. 299]⁴.

В то же время, по мнению С. И. Раевича, «с приданием решающего значения соглашению или намерению сторон вряд ли можно согласиться, и здесь Верховный Суд УССР, вероятно, допустил необоснованный либерализм» [4, с. 170]. Однако, далее по тексту нетрудно заметить, что, именуя ориентировку на «волю» сторон «типично буржуазной установкой», ученый фактически критикует лишь те случаи, в которых соглашения *expressis verbis* не имеется и суд решает вопрос о применимом праве «по предполагаемой “воле” сторон» [4, с. 170].

¹ Указанная статья устанавливает: «Договоры и акты, совершенные за границу, обсуждаются на основании законов того государства, в пределах коего они совершены, и признаются действительными, если только заключающаяся в них сделка не противна общественному порядку и не воспрещается законами Империи» (Уставъ Гражданскаго Судопроизводства (изданіе 1892 г.) // Сводъ Законовъ Россійской Имперіи / Составили Н. П. Балкановъ, С. С. Войтъ, В. Э. Герценбергъ, подъ редакціею и съ примѣчаніями И. Д. Мордухай-Болтовскаго. С.-Петербургъ: Русское Книжное Товарищество «Дѣятель», 1912. Томъ XVI. С. 113-324.).

² Примечательно, что гражданские процессуальные кодексы не всех республик в анализируемый период содержат формулировку «принимаются во внимание». Так, ст. 7 Гражданского процессуального кодекса Белорусской Советской Социалистической Республики устанавливает: «При разрешении споров, возникающих из договоров и актов, совершенных за границей, суд должен руководствоваться законами, действовавшими в месте и во время их совершения...» (Гражданский процессуальный кодекс БССР, введен в действие Постановлением III сессии ЦИК БССР от 26 июля 1923 г. // СУ БССР. 1923. № 13-14. Ст. 116).

³ Определение Верховного Суда УССР от 27 февраля 1928 г. по делу № 1476-28 г. («Каким судом и на основании каких законов разрешаются трудовые конфликты между владельцами иностранного парохода и работниками экипажа» // Вестник советской юстиции. 1928. № 7 (113). С. 224). Тем не менее, следует признать, что в качестве базового правила Верховный Суд УССР со ссылкой на ст. 7 ГПК указал, что «вообще договорные отношения регулируются законами того места, где договор заключен; но в зависимости от конкретных обстоятельств дела может быть применен и закон того места, где договор осуществляется».

⁴ С. Б. Крылов также рассматривает анализируемый тезис как «признание принципа автономии воли сторон» [1, с. 186-187].

Кроме того, в этом случае важно учитывать особые идеологические условия существования советской юриспруденции. Так, в той же работе по вопросу коллизий в области обязательственного права в целом С.И. Раевич цитирует резолюцию пленума ЦК ВКП(б), согласно которой внешние хозяйственные связи СССР «представляют продолжение в экономической форме борьбы за самостоятельность ... советской системы в обстановке капиталистического окружения» [4, с. 169], а в другой работе по вопросу более общего характера рассматривает «международное частное право как орудие подготовки интервенции против СССР» [5, с. 189-197].

Вместе с тем, с течением времени отдельные авторы начинают занимать более сдержанную позицию по отношению к идее об автономии воли. В частности, Л.А. Лунц, освещая основные начала советского коллизионного права в 1946 г., указывает, что используемый буржуазной практикой «принцип договорной автономии» по существу не дает «критерия для разрешения коллизий и на практике приводит к значительной свободе судейского усмотрения», допуская однако, что советские сделки по внешней торговле могут быть подчинены иностранному праву, если таковое *expressis verbis* предусмотрено конкретной сделкой [6, с. 38]¹. При этом он же, уже в 1957 г. подводя некоторые итоги развития советской доктрины международного частного права, прямо заявляет, что «в советской доктрине и практике ... получил признание и применение ряд общих для многих стран начал международного частного права», в числе которых ученый называет и «закон, избранный участниками сделки» [7, с. 38].

Такая трансформация взглядов советской правовой науки в условиях того, что редакция положения ст. 7 ГПК Р.С.Ф.С.Р. оставалась неизменной на протяжении всего анализируемого периода, была отчасти вызвана советской юридической практикой. При этом особое значение имели также онтологические факторы правообразования², характеризующие весь советский строй и в области обязательственных правоотношений ярко проявившиеся в государственной монополии внешней торговли.

Поскольку советские сделки по внешней торговле заключаются преимущественно торгпредствами и внешнеторговыми объединениями, правовой режим таких сделок характеризуется рядом специфических особенностей. Во-первых, первоначально внешнеторговые сделки заключаются за границей торгпредствами, которые являются государственными органами и в силу этого претендуют на иммунитет государства, включающий как судебный иммунитет, так и иммунитет от применения иностранного законодательства.

Примечательно, что в этот период положение об иммунитете государства от применения иностранного законодательства еще рассматривается как незыблемое. Так, в 1929 г. Постоянная палата международного правосудия в решениях по делам об оплате по различным сербским займам, выпущенным во Франции, и об оплате золотом по бразильским федеральным займам, выпущенным во Франции, выдвинуло идентичный тезис – суверенное государство «не может предполагаться подчинившим содержание своего долга и действительность принятых в его отношении обязательств какому-либо праву кроме собственного»³. И хотя в 1937 г., когда Палата Лордов в деле о займе, выпущенном Правительством Великобритании в США, постановила со ссылкой на намерение сторон о применении права США и подчеркнула, что общие коллизионные принципы применяются на равных основаниях к сделкам, стороной которых является государство, намечается отчетливая тенденция к отказу от иммунитета сделок государства, советская юридическая наука занимает в данном отношении строго консервативную

¹ В данной работе Л.А. Лунц подчеркивает, что по общему правилу «значительная часть сделок по внешней торговле заключается в СССР и подчинена действию советского права»; и даже признавая в качестве исключения возможность избрания применимого права сторонами сделки, автор указывает, что «презумпция – всегда в пользу применения советского права» [6, с. 38].

² Значимость онтологических факторов через призму исторических начал частного права, составляющих «“первоначала” права, его “первоистоки”, “порождающую стихию”, “порождающие силы”», убедительно обоснована Н.П. Асланян [8, с. 33; 9, с. 11].

³ Case concerning the Payment of Various Serbian Loans issued in France, Permanent Court of International Justice, Judgement No. 14 of 12 July 1929 // Publications of the Permanent Court of International Justice. Series A. Nos. 20/21. P. 42; Case concerning the Payment in Gold of Brazilian Federal Loans issued in France, Permanent Court of International Justice, Judgement No. 15 of 12 July 1929 // Publications of the Permanent Court of International Justice. Series A. Nos. 20/21. P. 121.

позицию¹. В частности, Л.А. Лунц прямо заявляет: «Мы по-прежнему исходим из того, что Советскому государству и его органам принадлежат все виды иммунитетов» [10, с. 229]².

Во-вторых, поскольку иммунитет торгпредств как органов государства ставит контрагентов по их внешнеторговым сделкам в рисковое положение, связанное как с вопросами юрисдикции, так и с вопросами применимого права, в данный период «в целях обеспечения экономического сотрудничества с иностранными государствами» СССР заключает ряд международных договоров, содержащих изъятия из принципа об иммунитете иностранного государства [10, с. 229].

С правовой точки зрения указанные изъятия характеризуются двумя важными особенностями. Во-первых, они рассматриваются как исключение, «которое добровольное сделано ... в целях облегчения ведения операций по внешней торговле» и которое в силу строго ограничительного толкования не может отменять общего правила об иммунитете иностранного государства [11, с. 121]. Во-вторых, такие изъятия по общему признанию специалистов носят диспозитивный характер, то есть «действуют ... постольку, поскольку иное не предусмотрено в отдельных контрактах» [10, с. 231]³.

При этом особенно важно, что возможность предусмотреть иное в контракте признается за сторонами даже в тех случаях, когда о ней не упоминается в положениях международного договора. Так, п. 6 ст. 5 Временного торгового соглашения между СССР и Великобританией от 16 февраля 1934 г. предусматривает: «Все вопросы, могущие возникнуть в отношении любой сделки, заключенной в Соединенном Королевстве..., будут разрешаться судами Соединенного Королевства соответственно с законами последнего»⁴. Касательно этой нормы Л. А. Лунц прямо заявляет: «Не подлежит сомнению, что торгпредство СССР в Лондоне может заключить договор с британской фирмой на условиях подчинения ... советской юрисдикции и советским законам» [10, с. 231-232].

Заслуживает внимания мотивация допустимости отступления от положения международного договора по соглашению сторон. В частности, И.С. Перетерский и С.Б. Крылов рассматривают автономию воли как принцип буржуазного права, а установленную международным договором отсылку к иностранному (буржуазному) праву как отсылку не только к материальным, но и к его коллизионным нормам, включая, следовательно, и допускаемую буржуазными правовыми порядками автономию воли [11, с. 121]. В этом отношении авторы пишут: «Торгпредство, несомненно, не может быть лишено тех правомочий, которые предоставляются законом страны пребывания торгпредства лицам, заключающим сделки в данной стране» [11, с. 121].

Напротив, Л. А. Лунц обоснованно рассматривает само положение международного договора как диспозитивное, а о договорной автономии пишет как о начале, из которого «все без исключения государства исходят в своем коллизионном праве» [10, с. 231]. Полагаем, что И. С. Перетерский и С. Б. Крылов создают в этом случае искусственную конструкцию отсылки к коллизионным нормам иностранного государства в силу нежелания признавать тот факт, что советское государство исходит в своей внешней торговле из «буржуазного» принципа автономии воли, в то время как фактически именно это и происходит.

Последующая практика заключения анализируемых международных договоров убедительно демонстрирует, что положения, подчиняющие советские торговые сделки юрисдикции

¹ Rex v. International Trustee for the Protection of Bondholders Aktiengesellschaft, United Kingdom House of Lords of 15 March 1937 // Annual Digest and Reports of Public International Law Cases 1935-1937. International Law Reports. Vol. 8. Reprinted ed. Cambridge: Grotius Publications Ltd. P. 13-16. Примечательно, что в этом деле Палата Лордов также заявила: «Не существовало правила, что в данном случае (когда стороной сделки является суверенное государство – Т. Н.) должен следовать вывод о том, что собственное право государства подлежит применению».

² При этом в отношении указанной позиции Палаты Лордов и ряда аналогичных дел ученый пишет: «Нет оснований считать, что судебная практика ряда капиталистических стран, направленная на отказ от коллизионных принципов, вытекающих из начала независимости государств, в чем либо колеблет действие этих начал» [10, с. 229].

³ Того же мнения по существу, но несколько с другой аргументацией придерживаются И.С. Перетерский и С.Б. Крылов [11, с. 121].

⁴ Временное торговое соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Великобританией от 16 февраля 1934 г. (г. Лондон) // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1934. Отд. II. № 15. Ст. 1367.

иностранных судов и иностранному законодательству, по общему правилу дополняются указанием на возможность предусмотреть иное в условиях конкретной сделки. Например, ст. 2 Приложения к Торговому договору между СССР и Китаем от 16 июня 1939 г. «О правовом положении Торгового Представительства СССР в Китайской Республике» устанавливает, что «все торговые сделки, заключенные или гарантированные Торговым Представительством СССР в Китае на территории Китайской Республики, подчиняются китайскому законодательству и подлежат компетенции китайских судов, если только законы Китайской Республики или условия в отдельных сделках не предусматривают иного»¹.

Аналогичные по содержанию формулировки содержатся в приложениях о правовом положении торговых представительств СССР к договорам о торговле и мореплавании, которые были заключены СССР с рядом стран: Данией (1946 г.)², Венгерской Республикой (1947 г.)³, Чехословацкой Республикой (1947 г.)⁴, Итальянской Республикой (1948 г.)⁵ и др.

Наконец, следует указать, что с 1935 г., когда Наркомвнешторгу было разрешено «предоставлять входящим в его систему ... объединениям заключать ... внешнеторговые сделки с иностранными фирмами как на территории СССР, так и за границей»⁶, было фактически перенесено в СССР место заключения большинства советских сделок по внешней торговле [11, с. 115-116].

При рассмотрении споров, вытекающих из таких сделок, советскими судами к ним в силу ст. 7 ГПК Р.С.Ф.С.Р. (или аналогичной нормы ГПК иных республик) должно применяться советское право как право места совершения сделки. В этом отношении И.С. Перетерский и С.Б. Крылов, допуская возможность включения во внешнеторговую сделку оговорки о применении советского права, справедливо уточняют, что в случае заключения сделки в СССР такая оговорка «лишь констатирует существующее положение», так как и при ее отсутствии «применение ... советского права представляется бесспорным» [11, с. 119-120]. При этом Л.А. Лунц идет дальше и допускает даже для заключенных в СССР сделок избрание иностранного закона или иностранной юрисдикции [10, с. 227]⁷.

В завершение анализа автономии воли в советском международном частном праве данного периода следует указать, что наиболее успешную реализацию она получила в практике Внешнеторговой арбитражной комиссии, которая была создана в 1932 г. при Всесоюзной торговой палате «для разрешения в порядке арбитражного разбирательства споров, возникающих из сделок по внешней торговле»⁸.

В частности, Л.А. Лунц, освещая коллизионные принципы договорных обязательств в сфере внешней торговли, в первую очередь, указывает, что ВТАК руководствуется «выраженной

¹ Торговый Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой от 16 июня 1939 г. (г. Москва) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 16.

² Ст. 6 Приложения (Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Данией от 17 августа 1946 г. (г. Москва) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1956. Вып. XII).

³ Ст. 5 Приложения (Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Венгерской Республикой от 15 июля 1947 г. (г. Москва) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1956. Вып. XIII. С. 324).

⁴ Ст. 4 Приложения (Договор о торговле и судоходстве между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой от 11 декабря 1947 г. (г. Москва) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1949. № 9).

⁵ Ст. 4 Приложения (Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Итальянской Республикой от 11 декабря 1948 г. (г. Москва) // СПС «Гарант»).

⁶ Постановление СНК СССР от 27 июля 1935 г. № 1598 «О разрешении объединениям Народного Комиссариата Внешней Торговли заключать внешнеторговые сделки с иностранными фирмами на территории Союза ССР и за границей» // СЗ СССР. 1935. № 44. Ст. 367.

⁷ В этой связи автор заявляет: «“Автономия воли” в выборе закона и подсудности у нас безусловно признается для сделок внешней торговли, заключаемых внешнеторговыми объединениями, поскольку выбором иностранного закона не нарушаются какие-либо запретительные нормы советского права» [10, с. 227].

⁸ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 17 июня 1932 г. «О внешнеторговой арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате» // СЗ СССР. 1932. № 48. Ст. 281. Рассматривая решения ВТАК, следует, тем не менее, учитывать, что они выносятся по конкретным делам и не создают прецедентов, как это было отмечено ВТАК в 1968 г. в деле по иску польского общества «Полимекс» к В/О «Запчастьэкспорт» [12, с. 17].

в договоре волей сторон в отношении подлежащих применению законов и обычаев (*lex voluntatis*)» [10, с. 232].

Наиболее цитируемым в данном отношении является решение ВТАК, вынесенное в 1938 г. по иску В/О «Союзглезэкспорт» к египетской фирме «Легета», в котором «применение норм советского гражданского права ... было предусмотрено в арбитражном соглашении сторон» [13, с. 37]¹. В качестве еще одного примера, в котором ВТАК опиралась на принцип автономии воли, Н.Г. Вилкова приводит решение, вынесенное в 1954 г. по иску бельгийского общества «Инкомар» к В/О «Разноэкспорт» [14, с. 97-98]. Хотя данное дело, бесспорно, примечательно тем, что соглашение сторон о применении советского права было достигнуто сторонами не при заключении сделки, а в процессе разбирательства спора и при этом в форме заявлений обеих сторон в адрес ВТАК, тем не менее, следует учитывать, что местом заключения сделки была Москва [16, с. 7] и, следовательно, в данном деле даже при отсутствии соглашения сторон подлежало применению советское право (на основании установленного ст. 7 ГПК Р.С.Ф.С.Р. принципа *lex loci contractus*).

В 1961 г., к концу анализируемого периода развития советского коллизионного права, Д.Ф. Рамзайцев указывает, что в силу отсутствия закрепления автономии воли в советском праве ВТАК основывается на международно-правовом обычае, на основании которого следует признавать право сторон внешнеэкономической сделки на выбор применимого материального права [17, с. 53]. В свою очередь, Д.М. Генкин, являющийся в этот период председателем ВТАК, излагает уже весьма разработанный подход ВТАК к реализации автономии воли сторонами внешнеэкономических сделок, который включает их право «путем соглашения по своему усмотрению ... подчинить свои взаимные обязательства любому правопорядку», вне зависимости от места рассмотрения спора, с учетом действия иных коллизионных статутов и без ущемления норм публичного порядка [18, с. 6].

Таким образом, в анализируемый период развития отечественного международного частного права, несмотря на отсутствие предписаний об автономии воли сторон обязательственных правоотношений в ст. 7 ГПК Р.С.Ф.С.Р., право на выбор применимого законодательства получало свое развитие в правоприменительной, в первую очередь, арбитражной, практике по сделкам в сфере внешней торговли. Изложенное в совокупности с существенными онтологическими факторами правообразования этого периода, выразившимися не только в государственной монополии внешнеэкономической деятельности, но и в целом в административно-командных методах организации народного хозяйства, позволяет согласиться с выдвинутым М.П. Бардиной тезисом о том, что «в отечественном международном частном праве принцип автономии воли сторон имеет значительно более долгую историю, чем принцип свободы сторон в гражданском праве» [19, с. 435]².

По итогам проведенного исследования необходимо заключить, что автономия воли сторон договорных правоотношений с иностранным элементом (в истоках советского международного частного права – исключительно в области внешней торговли) признавалась правоприменительной практикой даже в тех случаях, когда она не была закреплена законодательно. Способность сторон договора с иностранным элементом определять в нем применимое материальное право рассматривалась как имплицитно присущая им правовая возможность даже в тот период, когда отечественное право не признавало свободу договора как таковую. Последнее обстоятельство имеет существенное научное значение в том смысле, что автономия воли представляет собой самостоятельный правовой принцип, на котором базируется регулирование частноправовых отношений международного характера и ни в коей мере не может быть выведена из свойственного национальному (материальному) гражданскому праву принципа свободы договора.

¹ Приведенное решение цитируется как в советской, так и в современной литературе [10, с. 232; 14, с. 97; 15, с. 19-20].

² При этом М. П. Бардина обоснованно отмечает, что «такая “опережающая” диспозитивность в предоставлении сторонам свободы выбрать применимое право к внешнеэкономическим сделкам во многом была обусловлена тем, что она распространялась на сделки, выходящие за пределы страны..., где происходило соприкосновение с международным рынком, на котором господствовали принцип свободы договора, принцип автономии воли сторон» [19, с. 436].

Литература

1. Крылов С.Б. Международное частное право: пособие к лекциям. М.: Прибой, 1930. 328 с.
2. Перетерский И.С. Очерки международного частного права Р.С.Ф.С.Р. М.: Государственное издательство, 1924. 141 с.
3. Корецкий В.М. К вопросу о разрешении трудовых конфликтов, возникающих на иностранных торговых судах // Вестник советской юстиции. 1928. № 10 (116). С. 299-303.
4. Раевич С.И. Международное частное право / Под ред. Е. Пашуканиса. М.: Государственное издательство, 1934. 272 с.
5. Раевич С.И. Международное частное право как орудие подготовки интервенции против СССР // Советское государство. 1932. № 4. С. 189-197.
6. Лунц Л.А. Основные начала советского коллизионного права // Научная сессия, посвященная 20-летию существования Всесоюзного института юридических наук (1925-1945): тезисы докладов. М.: Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР, 1946. С. 37-39.
7. Лунц Л.А. Некоторые итоги развития советской доктрины международного частного права // Межвузовское научное совещание «Сорок лет советского государства и права и развитие правовой науки»: тезисы докладов. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1957. С. 36-39.
8. Асланян Н.П. Основные начала российского частного права. Иркутск: Издательство ИГЭА, 2001. 270 с.
9. Асланян Н.П. Основные начала российского частного права: Дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 365 с.
10. Лунц Л.А. Международное частное право: учебник. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1949. 368 с.
11. Перетерский И.С., Крылов С.Б. Международное частное право: учебник. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. 208 с.
12. Рамзайцев Д.Ф. Вопросы международного частного права в практике Внешнеторговой арбитражной комиссии // Секция права Торгово-промышленной палаты СССР: сборник информационных материалов. Вып. 26 М., 1973. С. 6-34.
13. Рамзайцев Д.Ф. Внешнеторговый арбитраж в СССР. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. 144 с.
14. Вилкова Н.Г. Договорное право в международном обороте. М.: Статут, 2002. 511 с.
15. Малкин О.Ю. Автономия воли во внешнеэкономических сделках: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 180 с.
16. Рамзайцев Д.Ф. Применение норм права в практике Внешнеторговой арбитражной комиссии // Секция права Всесоюзной торговой палаты: сборник информационных материалов. Вып. II. М., 1955. С. 3-15.
17. Рамзайцев Д.Ф. Договор купли-продажи во внешней торговле СССР. М.: Внешторгиздат, 1961. 184 с.
18. Генкин Д.М. О работе внешнеторговой арбитражной комиссии при всесоюзной торговой палате за 1957-1959 гг. // Секция права Всесоюзной торговой палаты: сборник информационных материалов. Вып. XI / Под ред. Д. М. Генкина, К. К. Бахтова. М., 1961. С. 3-13.
19. Современное международное частное право в России и Евросоюзе / Под ред. М. М. Богуславского, А. Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. М.: Норма, 2013. 656 с.

Novikova Tatiana Vasilyevna, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Dean of the Faculty for Training of Specialists for Judicial System (Faculty of Law), Associate Professor of the Department of International Law, Russian State University of Justice, North Caucasian branch (187/1, Levanevskogo St., Krasnodar, 350002, Russian Federation). E-mail: tnovikova@inbox.ru

ORIGINS OF ACKNOWLEDGEMENT BY NATIVE LEGISLATION OF AUTONOMY OF WILL AS PRINCIPLE OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Abstract

The article indicates that Soviet Conflict of Laws (on the basis of 1923 Civil Procedural Code of R.S.F.S.R.) demonstrates continuity of pre-revolutionary approaches (stipulating the same in essence conflict of laws rule by procedural codified act), recognizes autonomy of will in international treaties

and arbitral law enforcement practice, although exclusively for foreign trade relations. The conclusion is grounded that acknowledgement of autonomy of will for parties of foreign trade relations even at the times, when native national law does not accept the freedom of contract, is the evidence of independent character of ability of parties to civil legal relations with foreign element to choose applicable substantive law and immanent character of such ability conditioned by nature of the relations and its existence in the framework of conflict of several states' legal orders.

Keywords: *autonomy of will, lex voluntatis, law applicable to obligation, choice of applicable law, immunity of state, contractual legal relations of international character, foreign trade contract, soviet foreign trade, soviet private international law.*

References

1. Krylov S.B. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: posobie k lekciyam. M.: Priboj, 1930. 328 p.
2. Pereterskij I.S. Oчерки mezhdunarodnogo chastnogo prava R.S.F.S.R. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1924. 141 p.
3. Koreckij V.M. K voprosu o razreshenii trudovyh konfliktov, vznikayushchih na inostrannyh torgovykh sudah // Vestnik sovetskoj yusticii. 1928. № 10 (116). P. 299-303.
4. Raevich S.I. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo / Pod red. E. Pashukanisa. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1934. 272 p.
5. Raevich S.I. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo kak orudie podgotovki intervencii protiv SSSR // Sovetskoe gosudarstvo. 1932. № 4. P. 189-197.
6. Lunc L.A. Osnovnye nachala sovetskogo kollizionnogo prava // Nauchnaya sessiya, posvyashchennaya 20-letiyu sushchestvovaniya Vsesoyuznogo instituta yuridicheskikh nauk (1925-1945): tezisy dokladov. M.: Vsesoyuznyj institut yuridicheskikh nauk Ministerstva yusticii SSSR, 1946. P. 37-39.
7. Lunc L.A. Nekotorye itogi razvitiya sovetskoj doktriny mezhdunarodnogo chastnogo prava // Mezhvuzovskoe nauchnoe soveshchanie «Sorok let sovetskogo gosudarstva i prava i razvitie pravovoj nauki»: tezisy dokladov. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1957. P. 36-39.
8. Aslanyan N.P. Osnovnye nachala rossijskogo chastnogo prava. Irkutsk: Izdatel'stvo IGEA, 2001. 270 p.
9. Aslanyan N.P. Osnovnye nachala rossijskogo chastnogo prava: Diss. ... d-ra yurid. nauk. M., 2001. 365 p.
10. Lunc L.A. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebник. M.: YUridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva yusticii SSSR, 1949. 368 p.
11. Pereterskij I.S., Krylov S.B. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebник. M.: YUridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR, 1940. 208 p.
12. Ramzajcev D.F. Voprosy mezhdunarodnogo chastnogo prava v praktike Vneshnetorgovoj arbitrazhnoj komissii // Sekciya prava Torgovo-promyshlennoj palaty SSSR: sbornik informacionnyh materialov. Vyp. 26 M., 1973. P. 6-34.
13. Ramzajcev D.F. Vneshnetorgovyy arbitrazh v SSSR. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1952. 144 p.
14. Vil'kova N.G. Dogovornoe pravo v mezhdunarodnom oborote. M.: Statut, 2002. 511 p.
15. Malkin O.YU. Avtonomiya voli vo vneshneekonomicheskikh sdelkah: Diss. ... kand. yurid. nauk. M., 2005. 180 p.
16. Ramzajcev D.F. Primenenie norm prava v praktike Vneshnetorgovoj arbitrazhnoj komissii // Sekciya prava Vsesoyuznoj torgovoj palaty: sbornik informacionnyh materialov. Vyp. II. M., 1955. P. 3-15.
17. Ramzajcev D.F. Dogovor kupli-prodazhi vo vneshnej torgovle SSSR. M.: Vneshtorgizdat, 1961. 184 p.
18. Genkin D.M. O rabote vneshnetorgovoj arbitrazhnoj komissii pri vsesoyuznoj torgovoj palate za 1957-1959 gg. // Sekciya prava Vsesoyuznoj torgovoj palaty: sbornik informacionnyh materialov. Vyp. XI / Pod red. D. M. Genkina, K. K. Bahtova. M., 1961. P. 3-13.
19. Sovremennoe mezhdunarodnoe chastnoe pravo v Rossii i Evrosoyuze / Pod red. M. M. Boguslavskogo, A. G. Lisicyna-Svetlanova, A. Trunka. M.: Norma, 2013. 656 p.